

П О В Ъ З Д К А
ПО
ЗАПОРОЖСКИМЪ УРОЧИЩАМЪ *.

—
(А. А. Скальковского).
—

24 іюня 1845 года, въ понедѣльникъ, про-
бравшись черезъ болота, оставшіяся отъ неслы-
ханнаго разлитія Днѣпра и всѣхъ притоковъ

* Изданная мною въ 1841 году краткая «Исторія Но-
вой-Свѣчи, или Послѣдняго Коша Запорожскаго» обратила въ
которое вниманіе, какъ ученыхъ, такъ и любителей отече-
ственнаго бытописанія, на исторію и бытъ этой замѣчатель-
ной общины. Появились со всѣхъ сторонъ сужденія, крити-
ки; сдѣлашы были новыя розысканія; открыты новыя доку-
менты, большею-частью весьма любопытныя. Съ моей сто-
роны приобрѣтено было огромное количество новыхъ актовъ
и свидѣній, потребовавшихъ немедленнаго измѣненія и испра-
вленія во многихъ частяхъ помннутой выше книги; это за-
ставило меня пересмотрѣть ее и вновь приготовить къ изда-

его и рукавовъ, прибыли мы въ Грушевку, селеніе Херсонскаго уѣзда, лежащее близъ самой почтовой дороги въ Никополь, на землѣ, гдѣ прежде были Запорожскіе хутора въ окрү-

лію въ болѣе обширномъ и удовлетворительномъ видѣ; но приступивъ къ этому труду, я остановился почти въ самомъ началѣ. Считая необходимымъ для исторіи географическое опредѣленіе мѣстности извѣстныхъ, или прославленныхъ урочищъ, я предполагалъ поместить въ первой главѣ перваго тома новаго изданія «Исторіи Сѣчи», приблизительную Географію Запорожья, съ указаніемъ границъ его съ соседями: Польшею, Турціею, Крымомъ и остальною Россіею. Чтобы точнѣе приурочить мѣстности, должно было каждую изъ нихъ подтвердить «на грунтахъ», какъ говорилось въ Малороссіи; а потому, не доверяя своей памяти и тѣмъ замѣткамъ, которыя удалось мнѣ сдѣлать при посѣщеніи Запорожья въ 1835 году, я рѣшился вторично объѣхать, если не весь его «вольности», то хотя центръ оныхъ: обѣ Сѣчи и главнѣйшія казачьи городища, — что лѣтомъ настоящаго (1845) года и было мною исполнено. Плодъ этой потяжки — описаніе настоящаго положенія Запорожскихъ урочищъ и нѣсколько новыхъ замѣчаній относительно ихъ, предлагаемъ здѣсь читателямъ, въ полной увѣренности, что обозрѣнныя нами мѣста достойны вниманія всякаго Русскаго, не советѣмъ равнодушнаго къ своей старинѣ. При этомъ случаѣ долгомъ считаемъ принести искреннюю благодарность гг. Карлу Зоммеру, главноуправляющему нѣмѣцкими Барона Штиглица, во владѣніи котораго находятся обѣ Сѣчи, и М. П. Максимова, служащему въ званіи повереннаго въ этѣхъ нѣмѣцѣхъ, за оказанныя ими всевозможныя одолженія и самое радушное гостепріимство. Последний изъ нихъ, знакомый въ подробности съ Запорожскимъ Краемъ, помогалъ намъ на вслѣдкомъ шагу, какъ знаніемъ мѣстности, такъ и посредничествомъ при распросѣ поселянъ, всегда недоверчивыхъ. «На що вамъ «Запорожци», говорилъ намъ одинъ старикъ, по прозванію

гѣ самой Стѣчи *. Рѣка Базавлукъ бѣжитъ въ самой серединѣ этого участка и отдѣляетъ Херсовскую губернію отъ Екатеринославской, а во времена Запорожья отдѣляла Кодацкую-Поланку отъ Ингульской. У вѣзда въ селеніе, ужаснѣйшій ураганъ захватилъ насъ такъ внезапно и съ такою силою, что мы ежеминутно подвергались опасности отъ паденія избѣ и обломанныхъ деревьевъ, и боялись даже вторичнаго наводненія, ибо Базавлукъ сдѣлался здѣсь глубокимъ рѣчищемъ верстъ въ 30 ширины. Съ трудомъ пробираясь черезъ селеніе, мы могли вполнѣ убѣдиться въ страшныхъ опустошеніяхъ, произведенныхъ наводненіемъ нынѣшняго (1845) года. Вода поднялась здѣсь на 7 слишкомъ аршинъ выше своего обыкновеннаго уровня, и залила огромное пространство, такъ-что даже господскій домъ, построенный на довольно высокомъ мѣстѣ, и всѣ службы при немъ внезапно наполнились водою, и въ

«Вышкварокъ, «ихъ вже не ма на свити; то були лицари; «такихъ людей вже не ма и не буде: що объ нихъ и росказувать». Но ласковое слово, чарка горѣлки, или текстъ изъ старой казацкой пѣсни, легко обезоруживали недоверчивость 90-лѣтнихъ стариковъ и старухъ, и они передавали намъ съ охотою то, о чемъ знали, или что сами видѣли въ «Славномъ Запорожьѣ»; къ-сожалѣнію, свидѣтели эти и сами знали весьма немногое.

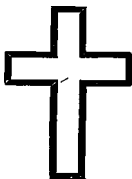
* Въ 10 или 12 верстахъ отъ мѣстечка Нововоронцовки.

нѣсколько часовъ были почти совсѣмъ разрушены. Г. Зоммеръ считаетъ убытокъ, произведенный въ Грушевкѣ, въ 12,500 р. асс., ибо 80 домовъ были совершенно уничтожены и снесены водою; 139 другихъ домовъ и 20 разныхъ службъ значительно повреждены и требуютъ перестройки; 200 десятинъ земли засѣянной хлѣбомъ и стоги съ сѣномъ и хлѣбомъ были покрыты водою и размыты до основанія. Одною только милостію Провидѣнія воспользовалась Грушевка, — тою, что ни одинъ человекъ не погибъ въ этомъ бѣдствіи, и потеряно только 4 штуки скота. Этимъ спасеніемъ имѣніе обязано стараніямъ гг. управляющихъ, которые, вполне постигая опасность, приняли, несмотря на упрямство поселянъ и слугъ, всѣ мѣры къ спасенію, если не жилищъ, что было физически невозможно, то хотя самыхъ жителей.

Среди такого разрушенія, въ обломкахъ какой-то едва высохшей избы, нашли мы гг. Зоммера и Максимова, которые, несмотря на безконечныя свои хлопоты, приняли насъ съ радостію и охотно вызвались провожать въ обѣ Сѣчи, которыя принадлежатъ теперь Барону А. Штиглипу, одна, то-есть «Новая», подъ названіемъ Покровска, а другая, или «Старая», подъ

именемъ Капуловки. Отець выи́шняго помѣщика купилъ ихъ вмѣстѣ съ Рогачикомъ и другими Заднѣпровскими своими имѣніями, въ числѣ 100,000 десятинъ земли, у бывшаго Генераль-Прокурора Князя А. А. Вяземскаго, которому всѣ этѣ зѣмли были пожалованы тотчасъ послѣ разрушенія Сѣчи.

Въ Грушеvkѣ не было никогда Запорожскаго селенія, но по берегу Базавлука и въ «лѣскахъ» находились зимовники. Памятникомъ ихъ можетъ служить сохранившійся здѣсь каменный крестъ, высѣченный весьма правильно изъ бѣлаго, гладкаго, твердаго камня, въ два аршина вышиною, и имѣющій почти такую наружность :

На одной сторонѣ его высѣченъ патриаршій крестъ и священныя буквы: И. Н. Ц. И. и ИС. ХР. Н. И. К. А., а съ другой слѣдующая надпись: «Здѣ опочива рабъ Божій Семенъ Бѣлый, козакъ войска Запорожскаго, куреня Ко-

ареневского. Преставился року 1762, мѣсяца ген-
«варя» остальныхъ буквъ не видно.
Въ-послѣдствіи, мы убѣдились, что всѣ другіе
Запорожскіе могильные памятники, за исклю-
ченіемъ только двухъ, были той-же величины
и той-же формы, какъ здѣшній. Когда на-
водненіе сдѣлалось столь сильно, что крестъ
начало подмывать, поселяне сняли его и со-
хранили въ сухомъ мѣстѣ, до-тѣхъ-поръ пока
вода не спала и прежнее мѣсто не очистилось,
такъ-что его опять можно было утвердить на
прежнемъ каменномъ подножіи.

Чтобы сократить путь и сдѣлать его удоб-
нѣе въ такое знойное лѣто, каково было ны-
нѣшнее, мы рѣшились ѣхать водою, что,
при страшномъ разливѣ, было весьма легко.
Прекраснымъ утромъ, 25 іюня, сѣли мы на
«дубъ»—длинную, изъ досокъ сколоченную пло-
скодонную лодку, самого древняго на Днѣпрѣ
устройства, которою мастерски правили ста-
рый Днѣпровскій лоцманъ и 4 гребца,—и на ду-
бу этомъ, по Базавлукскому-Лиману, имѣвшему
здѣсь у деревни до 10 верстъ ширины, до-
плыли до главной трубы рѣки Базавлука,
а изъ нея прошли въ рѣку Подпольную, ко-
торая очень глубока и составляетъ родъ Днѣ-
провскаго рукава. По дорогѣ, мы посѣтили

принадлежащія Барону Штиглицу овчарныя заведенія самой высокої породы мериносовъ (шерсть ихъ продана по 17' /₂ р. сер. за пудъ), гдѣ удивлялись какъ отличному процессу мойки шерсти на самомъ животномъ (*à dos*), такъ и самой стрижкѣ. Эта отрасль промышленности доведена здѣсь до высшей степени совершенства и приноситъ огромные доходы владѣльцу. Отъ овчаренъ, по берегу Подпольной, степью, доѣхали мы до самыхъ Покровскихъ хуторовъ.

Первое географическое замѣчаніе, сдѣланное нами при взглядѣ на мѣстность, было то, что «Новая Сѣчь» или «Послѣдній-Кошъ» Запорожцевъ основанъ былъ не на рѣкѣ Базавлукѣ, какъ мы и многіе другіе полагали, а весь расположенъ былъ на рѣкѣ Подпольной, при слияніи ея съ главною Днѣпровскою трубою и рукавами ея, образующими острова; съ Днѣпромъ соединяетъ ее одинъ рукавъ, называемый теперь рѣкою Сасиною, который сливается съ другимъ, извѣстнымъ подъ названіемъ рѣчки Скарбной, или Скарбницы. Съ сухаго пути, Сѣчь была доступна съ одной только стороны, и здѣсь находится довольно обширная площадь земли, вся изрытая и закиданная глиняными и кирпичными обломками,

— это, вѣроятно, слѣды «Крамнаго-Базара», то есть предмѣстія, гдѣ для торговли позволялось жить не только людямъ, не принадлежащимъ къ войску, но даже иностранцамъ, жидамъ и женщинамъ. Это мѣсто отдѣляется отъ собственно «Коша» или «Сѣчи» валомъ и рвомъ, которыхъ остатки, замѣтные доселѣ, свидѣтельствуютъ, что они упирались обоими концами въ дугу рѣчки Подпольной, составляющей родъ основанія всему полукружію Сѣчи. Чрезъ ровъ и валы въ Кошъ вели ворота, которыя, какъ мы видѣли изъ одного документа 1770 года, назывались Гасанъ-Башою, и на которыхъ стояла башня съ пушками *. Въ одномъ допросѣ Гайдамакъ сказано, что преступникъ купилъ свою лошадь на Гасанъ-Башѣ: значитъ и все предмѣстіе или «базаръ» Сѣчи могъ носить это имя, заимствованное отъ башни. Слѣды двухъ другихъ четырехугольных башенъ также явственно видны доселѣ. Названіе «Гасанъ-Баша», хотя и изуродованное поселянами, сохранилось до-сихъ-поръ, ибо вся новая часть селенія, которая основалась по берегу Подпольной, за рвомъ Сѣчи, называется теперь «Шамбашъ».

* Исторія Новой Сѣчи, стр. 344. Мы думаемъ, что ворота эти названы Гасанъ-Башею въ подражаніе одному бастиону Очаковской Крѣпости, который носитъ то-же имя.

На пепелищѣ этого «базара» или предмѣстья, на одной возвышенной могилѣ, нашли мы весьма замѣчательный гробовый крестъ, совершенно такой-же величины и наружности, какъ Грушевскій, съ слѣдующею на немъ легендою: «Здѣ поставленъ крестъ благородію его панства Стефана, Атамана бувшаго Кошеваго, а куреня Мѣнскаго. Но онъ положенъ есть «подъ Церквою Пресвятыя Богородицы. Преставися року 17...» Остальныхъ буквъ вовсе не видно. Итакъ, это могильный памятникъ Кошеваго Стефана Гладкаго, о которомъ знаемъ только то, что онъ былъ Атаманомъ въ 1741 году. Какъ зашелъ сюда этотъ камень, скажемъ ниже.

За валомъ, все селеніе, находящееся между рвомъ и рѣкою, называется «городомъ» или «городкомъ»; тамъ находится и Покровская-Церковь. Поселяне, когда спросишь ихъ: гдѣ живетъ, на-примѣръ, механикъ имѣнія? — отвѣчаютъ: «на гѣродѣ» или «въ «городкѣ». Этотъ древній образъ выраженія весьма замѣчателенъ: въ — старину, слово «городокъ» означало то-же, что и «городъ» (gròd) въ Польшѣ, то-есть, и укрѣпленную часть города, замокъ, и уголовное судилище, въ переносномъ смыслѣ. Слѣдственно, здѣшній «го-

родъ» есть упомянутое въ рапортѣ Текелія, въ 1775 году, «Укрѣпленіе Кошей», или собственно Сѣчь. Эта часть подраздѣлялась еще, какъ видно, на другія укрѣпленія; родъ возвышенныхъ батарей, съ запада, которыя теперь заняты частью селенія, называются въ народѣ «окопами»; это бывший Новосѣченскій-Ретраншанментъ, или цитадель Сѣчи, пребываніе, съ 1734 года, Русскаго коменданта и гарнизона изъ ландмилицейскихъ полковъ. Съ востока, Сѣчь раздѣлялась еще особымъ валомъ и рвомъ, которые проходили мимо Церкви и упирались со всѣхъ сторонъ въ рѣчку Подпольную *. Это доказываетъ справедливость рассказовъ Коржа, въ описаніи Сѣчи, что Церковь съ нѣсколькими домиками Запорожскихъ пановъ (гдѣ жилъ и Кошевой), на случай набѣговъ непріятельскихъ, устроена была въ видѣ крѣпости и обставлена вокругъ пушками, расположенными на высокомъ земляномъ валу; и что, сверхъ-того, «городокъ» со всѣхъ сторонъ окруженъ былъ рѣкою Подпольною, такъ-что съ одной только стороны, сухопутьемъ, былъ небольшой въѣздъ, съ огромною башнею и ча-

* Все это будетъ обозначено на планѣ Сѣчи, который мы недавно приобрѣли и приложимъ ко второму изданію ея Исторіи.

совыми на ней казаками *. У подошвы этого церковнаго окопа, видѣнъ полузасыпанный заливъ, закрытый отъ вѣтровъ лѣсными островами; онъ называется «уступомъ», и укрѣпленъ былъ прежде отъ обваловъ сваями. Это иъ-когда глубокий, а теперь совсѣмъ обмелѣвшій портъ Сѣчи, куда входили для стоянки Запорожскія лодки и иностранныя суда, подымавшіяся по Днѣпру съ моря. Остатки свай, обломки якорей и снастей, видны доселѣ.

Старой Церкви Покрова-Божіей-Матери, построенной въ 1730 году, при самомъ основаніи Новой-Сѣчи, по благословенію Кіевского Митрополита Рафаила, уже нѣтъ. Она сломана, и мѣсто ея, то-есть престолъ, указывается только родомъ монумента съ желѣзнымъ крестомъ и дощечкою, на которой написано, что подвигъ этотъ совершенъ усердіемъ какого-то Ивана Булгара,—вѣроятно бѣднаго, но набожнаго поселяннина. По сказанію стариковъ, Сѣчевая Церковь Покрова-Божіей-Матери была деревянная, о пяти главахъ и двухъ престолахъ. Одинъ придѣлъ, нижній или главный, былъ во имя Св. Покрова, другой, на хорахъ, во имя Чудо-

* Устное повѣствованіе бывшаго Запорожца Н. Л. Коржа. Одесса, 1842, стр. 41.

творца Николая, покровителя мореходовъ. На площади церковной или «Цментаръ» (кладбищъ), воздвигались гробницы Кошевыхъ съ «капличками» то-есть часовеньками на столбахъ, или-же съ простыми крестами, подобными тому, который мы нашли при входѣ въ Сѣчь; но тѣмъ ихъ хоронили были подъ спудомъ, въ церковномъ склепѣ, къ которому теперь уже нѣтъ и входа. Поселяне говорятъ, что по уничтоженіи Сѣчи, въ-слѣдствіе распоряженія Текелія насчетъ «упраздненія не только войска, но и имени Запорожскаго», часовеньки этѣ были сломаны, а кресты поставлены на общемъ кладбищѣ; за Кошемъ, то-есть за «окопами». Но и кресты не уцѣлѣли: нѣкоторые изъ нихъ, поселяне, большею-частью бывшіе слуги Запорожья, развезли въ разныя стороны и поскрывали такъ, что теперь и допытаться трудно, куда они ихъ дѣвали; такого рода, вѣроятно, и могильный крестъ Семена Бѣлаго, видѣнный нами въ Грушевкѣ. Другую часть этихъ памятниковъ управители Князя Вяземскаго, разбивъ, употребили, за недостаткомъ здѣсь камня, на фундаментъ для построеннаго въ 1790 году и существующаго доселѣ магазина.

Новая Покровская - Церковь, построенная на той-же площади, гдѣ стояла старая,

имѣть весьма скромную наружность и обведена оградой изъ камня, оставшагося отъ прежнихъ строеній; входъ въ нее чрезъ колокольню, тоже новую. Мы вошли въ этотъ храмъ съ истиннымъ благоговѣніемъ и усердно помолились Богу Силь въ столь замѣчательной для Православія святыни. Здѣсь, впрочемъ, почти ничего не осталось отъ древней Сѣчи. Великолѣпный иконостасъ изящной рѣзной работы, съ иконами прекрасной (Кіевской) живописи, устроенный еще въ 1750 году, снятъ и сложенъ на хорахъ, гдѣ мы нашли также остатки хоругвей, паникадилъ, иконъ и проч. Остальное, столь огромное церковное богатство, накопившееся отъ усердныхъ жертвъ благочестиваго казачества*, погибло при атакованіи Сѣчи въ 1775 году. Собственно церковныя облаченія были розданы въ-послѣдствіи; часть поступила въ Соборную Церковь города Николаева, тогда основаннаго (1789), гдѣ онѣ находятся и понынѣ, а часть осталась въ ризницѣ самаго Потемкина, которую возилъ онъ съ собою до самой смерти, какъ убѣдились мы въ этомъ изъ одного документа 1792 — 1793 годовъ, въ которомъ помѣщена опись имущества, оставшагося въ Новороссій-

* О богатствѣ Сѣчевой Покровской-Церкви, смотри въ Разсказахъ Коржа, стр. 39.

скомъ-Краѣ, при домахъ Князя Потемкина-Таврическаго.

Въ церкви, у праваго крылоса, поставлены уцѣлѣвшія отъ стараго храма четыре «мѣста», деревянныя, украшенныя грубою рѣзьбою и живописью; у мѣстъ этихъ, Кошевой и Главная Старшина (Судья, Писарь и Эсаулы войсковые, обыкновенно казаки преклонныхъ уже лѣтъ) стояли во время слушанія Божественной Литургіи. Судя по ширинѣ мѣстъ и положенію скамеекъ, должно полагать, что Запорожцы вообще были люди огромнаго роста. Эти «мѣста» напомнили намъ также, что по обычаю Запорожья, во время служенія, послѣ молитвы за здравіе Царскаго или Императорскаго Дома, поминались на эктеніи Кошевой и Старшина, и что во время чтенія Евангелія, все войско, по Польскому обычаю, обнажало до половины сабли, въ доказательство готовности защищать вѣру свою и церковь, и словомъ и дѣломъ, то-есть оружіемъ.

На алтарѣ находится антиминь, данный по благословенію Архіепископа и Митрополита Кіевскаго Тимофея Щербаткаго, 1754 года, 6 февраля. На книгѣ Евангелія, читаемаго въ Страстную - Недѣлю, сохранилась слѣдующая

надпись: «Лавры Кіевопечерскія Архимандритъ «Романъ Копя», высокопочтенному его милости «Пану Іоанну Малашевичу, Войска Запорожскаго Низоваго, сію страданій Христовыхъ «Евангельскую книгу въ даръ приносятъ.» Вотъ единственный слѣдъ Малашевича, этаго достославнаго предводителя Запорожцевъ, который возвратилъ ихъ на родину, и былъ основателемъ этой Новой-Сѣчи и этаго храма Божія, которые мы посѣщали. Никто не знаетъ, гдѣ почилъ его кости и даже гдѣ крестъ его могильный.

Другая любопытная книга церковной бібліотеки есть рукописный «Ермолой», то-есть, собраніе священныхъ гимновъ съ нотами, украшенный самыми удивительными, въ родѣ видимыхъ на рукописяхъ среднихъ вѣковъ, фигурами, флорессами и изображеніями людей и животныхъ. Книга эта, должно полагать, находилась въ безпрестанномъ употребленіи, такъ она изношена. Запорожцы были вообще страстные любители музыки, подобно всѣмъ Украинцамъ, церковное-же пѣніе представлялось для нихъ верховнымъ наслажденіемъ. На листахъ упомянутой книги нашли мы тоже пѣ-

* Бывшій Архимандритомъ съ 1730 по 1736 годъ.

сколько замѣтокъ, сдѣланныхъ, вѣроятно, священниками. Въ одномъ мѣстѣ написано: «1763 года, мѣсяца ноября противу 9 числа, была «бура крѣпко сильна, что и верхи Сѣчевой Церкви посвертало.» Въ другомъ, краткая замѣтка: «1792 года на Кубани Запорожцы сѣдали.» Не такъ-ли начинались и всѣ лѣтописи въ Европѣ, тѣмъ-что на Евангеліяхъ и мисселяхъ записывали первые картуляріи или акты историческіе ?

Вышедъ на площадь, теперь пустую, изрытую ямами, покрытую небольшими могилами и развалинами, невольно перенеслись мы во времена «Славнаго Запорожья», когда мѣста этѣ кипѣли жизнію храброго, буйнаго, непобѣдимаго воинства, истиннаго рыцарства Русскаго, обрекавшаго себя на вѣчную брань за вѣру и родину «межъ кочовисками Агарянскими въ поляхъ Татарскихъ». * Здѣсь собирались ихъ общенародныя или войсковыя рады; здѣсь

* Письмо Кошевого Иваника, 1686 года 26 мая. см. Исторію Новой Сѣчи, стр. 75, 76 и 77. (Мы знаемъ, что трудясь съ любовію и постоянно надъ изученіемъ какаго-бы то ни было явленія въ исторіи, какъ трудится, на-примѣръ, Г. Скальковскій надъ исторіею Запорожскаго-Казачества, весьма естественно пристраститься къ предмету своихъ изслѣдованій и видѣть его, или въ слишкомъ-свѣтломъ, или въ слишкомъ-темномъ цвѣтѣ. Недоста-

бывали знаменитые ежегодные выборы, производившіеся на 1 января, и бросались «лясы» (жеребьи) на поля и рѣчки для куреней; здѣсь избранныхъ Кошевыхъ закидывали шапками, и поднимавъ вверхъ, величали и несли торжественно въ войсковой «дворецъ», то-есть избу, гдѣ имѣли пребываніе Кошевые; здѣсь также оскорбляли и даже убивали тѣхъ, которыхъ «благодарили за службу», то-есть отрѣшали отъ стар-

токъ этотъ составляетъ, къ сожалѣнію, почти неизбежный удытъ бѣльшей части историческихъ изслѣдователей; потому, мы и не думаемъ ставить въ упрекъ Г. Скальковскому грустнаго тона, въ которомъ говоритъ онъ о быломъ Запорожской общины, и преувеличенныхъ представленій ея объ «истинно-рыцарскомъ» ея характерѣ, но не можемъ мы и пропустить ихъ, не замѣтивъ, что внутренняя жизнь Запорожскихъ «лыцарей» вовсе не была въ исторіи такимъ отраднымъ явленіемъ, чтобы можно было вспоминать объ ней съ умиленіемъ, а вишняя весьма не избавлена ото многихъ пятенъ, ото многихъ грѣховъ: «лыцари» были люди себя на умѣ, и оттого, подѣ-часъ, несмотря на привязанность свою къ Православію, охотно готовы были промѣнять, и дѣйствительно мѣняли, покровительство Православныхъ собратій своихъ на дружбу съ тѣми «погаными» Агарянами, ва «вѣчную брань» съ которыми обрекали они себя, по словамъ ихъ историка; такъ-ли должно было дѣйствовать «истинно Русское рыцарство»? Дикость и буйство не представляются-ли несравненно болѣе характеристическими чертами «Славнаго Воинства Низового», чѣмъ преданность его Православію и интересамъ Земли-Русской? Можетъ жалѣть Вышкварокъ, что такихъ людей, какъ Запорожцы уже не ма на свѣти, та и не будетъ, а намъ, право, нечего горевать объ этомъ.

Ред.)

шинскаго званія. — По свидѣтельству нашихъ путеводителей, Покровскихъ стариковъ — поселянъ (то-же говорятъ и Коржъ), вокругъ Церкви, или, какъ это говорилось, «въ Монастырь», были дома Кошеваго и Старшины. Но какіе дома — мелкія поселянскія избушки, сложенныя прочно изъ рубленнаго лѣса, выбѣленныя бѣлою глиною, и съ грушевымъ или осокоровымъ «сволокомъ» въ срединѣ, который составлялъ вѣстѣ и украшеніе и поддержку потолка! Эти домики изготовлялись гдѣ-нибудь въ отдаленныхъ Чигиривскихъ или Подольскихъ лѣсахъ, такимъ образомъ, что могли разбираться и удобно переноситься съ мѣста на мѣсто. Два изъ нихъ, уцѣлѣвшіе на площади послѣ «атакованія Сѣчи», сохранились донинѣ въ Покровскѣ, но стоятъ уже на другихъ мѣстахъ. Одинъ принадлежитъ теперь поселянину Абдуленкѣ (быть-можетъ перекрещенному изъ Татаръ Абдуллаху). Онъ очень малъ, но построенъ прочно и правильно, дѣлится на двѣ избы съ чуланчиками, и на сволокъ имѣетъ слѣдующую надпись, раздѣленную вырѣзаннымъ на деревѣ изображеніемъ креста, на двѣ части: «Божіимъ изволеніемъ и помощію, а стараніемъ Якіма Игнатовича, товарища ку-реня Вышестеблевскаго, созданъ домъ сей «1746 года мѣсяца іюня 6 дня.» Слѣдствен-

но, эта бѣдная изба была достояніемъ и жилищемъ отличнаго и храбраго Кошевого Атамана Якима Игнатовича, который правилъ войскомъ въ 1744, 1749, 1750 и 1751 годахъ! Видно жизнь Запорожцевъ была очень скромна и проста, когда командиры арміи въ 20,000 человѣкъ могли довольствоваться такимъ жилищемъ; да и въ самой надписи видно ихъ смиреніе, ибо строивъ избу въ годъ, когда не былъ Кошевымъ, Игнатовичъ назвалъ себя не Старшиною Войсковымъ, а просто товарищемъ своего куреня. Такъ требовала строгая «регула» казацкая. Этому дому почти сто лѣтъ, а онъ такъ твердъ и крѣпокъ, какъ-бы мы желали, чтобы были прочны многія наши кирпичныя и каменныя зданія, не говоримъ чрезъ сто, а хотя чрезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ ихъ постройки.

Другой такой домъ принадлежитъ теперь поселянину Марку Рукавишному. Вошедъ въ избу, мы нашли сидящую на лавкѣ старуху лѣтъ 90, почти слѣпую и глухую; она пряла шерсть, заунывно напѣвая какую-то пѣсню. Когда мы вразумили ее о нашемъ желаніи видѣть ея жилище, она охотно показала намъ его и объяснила, что отецъ ея былъ слуга Запорожскій, что она осталась въ дѣвствѣ, и что

изъ благоговѣнія къ своему панству и славному рыцарству Запорожскому, отецъ ея купилъ этотъ домъ, стоявшій на Церковной Площади и назначенный въ сломку, и перенесъ его изъ «города» на теперешнее мѣсто. На сволокъ въ главной избѣ, отлично вырѣзанъ крестъ и по обѣ его стороны слѣдующая надпись. «Благословеніемъ Отца, изволеніемъ Сына и содѣйствіемъ Св. Духа, аминь; а кош-
«томъ Пана Василя Григоровича, знатнаго то-
«варища куреня Мѣскаго, создася домъ сей
«1747 года мѣсяца августа 13.» Слѣдственно, домъ этотъ былъ жилищемъ и собственностію Василя Григоровича, по прозванію Сыча, бывшаго три раза Кошевымъ Атаманомъ: въ 1745, 1746 и 1750 годахъ, а въ 1749 — первымъ Депутатомъ въ Комисію, учрежденной въ Никополѣ, по претензіямъ Татаръ на Запорожцевъ*.

Третій такой домъ, съ надписью на сволокъ, перевезенный изъ Сѣчи, находится теперь въ Никополѣ и принадлежитъ купчихѣ Шмигайловой; но намъ не удалось его видѣть, во время пребыванія въ Никополѣ.

* См. статью мою: «Сношенія Запорожья съ Крымомъ», помещенную въ Одесскомъ Вѣстникѣ на 1841 годъ, № 72 и 73.

На дворѣ дома Покровскаго поселенина Забутнаго показываютъ мѣсто погреба, теперь уже закиданнаго землею, гдѣ находилась войсковая «пушкарня». По сказанію очевидцевъ, это былъ обширный подвалъ, гдѣ, какъ мы знаемъ, хранилась войсковая «армата», то-есть пушки и боевая аммуниція, и гдѣ помѣщался «секвестръ», то-есть войсковая тюрьма, въ которой прикованные къ пушкѣ преступники ожидали горькой своей участи.

Отсюда отправились мы на Сѣчевое кладбище, за «Гасанъ-Башею», на которомъ уцѣлѣлъ только десятокъ кургановъ и могильныхъ крестовъ, большею-частію изломанныхъ и съ истертыми надписями, такъ-что мы на двухъ только могли прочесть нѣсколько словъ; на одномъ: «Здѣсь опочиваетъ рабъ Божій «Ониська Пись, куреня Сергіевскаго Куренный Атаманъ, представися року 1770 мѣсяца февраля . . . » на другомъ — одно только слово «Іоаннъ». Форма камня и изображеніе патріаршаго креста и буквъ И. Н. Ц. И. тѣ-же, что и на описанныхъ выше памятникахъ.

Желая знать, не осталось-ли гдѣ-нибудь, если не стариковъ современныхъ паденію Сѣ-

чи, то хотя ихъ потомковъ, мы спросили объ этомъ у старухи Рукавишной. «Какъ-же они будутъ здѣсь», съ удивленіемъ отвѣчала она, «когда Сѣчи уже нѣтъ, Войска то-же? они люди вольные — разошлись куда хотѣли».

Здѣсь простились мы съ Покровскимъ, и слѣдуя посреди селенія, параллельно со впаденіемъ рѣчки Подпольной, доѣхали до села Капуловки. Это второе городище, еще древнѣйшее и знаменитѣйшее Покровска, есть такъ-называемая «Старая-Сѣчь», основанная еще въ XVI столѣтіи, но о которой мы не имѣли рѣшительно никакихъ свѣдѣній. Народъ именуетъ ее также «Галагановскою-Сѣчью», въ память того-что Малороссійскій Полковникъ Галаганъ, вмѣстѣ съ Русскимъ Полковникомъ Яковлевымъ, раззорилъ ее въ 1709 году, по повелѣнію Петра-Великаго, послѣ Полтавской битвы и измѣны Мазепы и Кошевого Гордѣенки. Селеніе Капуловка, неизвѣстно отъ чего получившее это имя, принадлежитъ тоже Барону Штиглицу и составляетъ съ Покровскомъ одну волость. Оно расположено при самомъ впаденіи рѣчки Чертомлыка въ рѣчку Подпольную. Одинъ рукавъ Днѣпра, соединяющійся съ Чертомлыкомъ, весьма глубокій и широкій, скры-

тый между камышами, плавнями и островами, и служившій, вѣроятно, казакамъ для прохода изъ Сѣчи въ Днѣпръ или море, называется доселѣ рѣчкою Павлюкомъ. Эта рѣчка сама-собой есть уже историческое урочище, ибо Кошевой Павлюкъ едва-ли не былъ основателемъ этой Сѣчи, или по-крайней-мѣрѣ однимъ изъ главныхъ ея строителей; это доказываетъ первоначальная грамота Стефана Баторія, 1576 года 20 августа, составляющая какъ-бы основный актъ на земское въ здѣшнемъ краѣ владѣніе Войска Запорожскаго; она дана была «на прошеніе» Гетмана Якова Богданка и Кошеваго Павлюка. *

То, что можетъ назваться остатками или городищемъ Старой-Сѣчи, ясно доказываетъ воинственное ея назначеніе и рыцарскій духъ, двигавшій Запорожскою общиною. Уединенное и защищенное водою, оно служило для казачества лучшимъ укрѣпленіемъ, нежели замки на скалахъ Западной Европы, которыхъ притомъ здѣсь негдѣ, да и не изъ чего было строить; вся сила Сѣчи заключалась въ ея безвѣстности, посреди сѣти острововъ, кана-

* Исторія Новой Сѣчи, стр. 40 и приложение № 4, стр. 381. Яковъ, по прозванію Богданко, былъ, кажется, изъ рода Килзей Рожинскихъ.

ловъ и плавней, которые ее окружали, а еще болѣе въ твердомъ и непоколебимомъ рыцарствѣ, котораго она была матерью и палладіумомъ. При внезапномъ или въ превосходныхъ силахъ вражьемъ наѣздѣ съ суши, Запорожцы могли легко скрываться или защищаться на своихъ островахъ, а со стороны рѣки никто и думать не могъ о входѣ въ Сѣчь безъ помощи Днѣпровскихъ лодмановъ. То, что составляло собственно «Кошъ», расположено было здѣсь на островѣ, который со-стороны материка отдѣляется узкимъ рукавомъ Чертомлыка; а на рукавѣ этомъ находился, быть можетъ, подъемный мостъ или другой родъ укрѣпленнаго сообщенія. Островокъ этотъ поселяне и теперь называютъ Старою-Сѣчью, и многіе изъ нихъ роются здѣсь, отыскивая клады. У одного изъ этихъ крестьянъ купили мы нѣсколько десятковъ найденныхъ тамъ серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ Петра-Великаго, Іоанна-Казимира, Турецкихъ левовъ, равно-какъ малые слитки серебра, перегорѣвшаго въ какомъ-нибудь пожарѣ, мелкія мѣдныя вещицы и проч. Въ селеніи, по Чертомлыку, видны еще укрѣпленія, имѣющія форму треугольника, обращеннаго основаніемъ къ крутому берегу этой рѣчки; западная часть вала укрѣплена особо, бастіонами и рвомъ. Это остатки

бывшаго «Старосѣченскаго-Ретраншамента», который, подобно Новосѣченскому, былъ занимаемъ Русскимъ гарнизономъ изъ ландмилицѣйскихъ полковъ.

Кромѣ этого пустаго острова, безпрестанно разрушаемаго водою и лежащаго въ самомъ очаровательномъ положеніи, да вышеупомянутыхъ окоповъ, не осталось ничего болѣе отъ старой «Сѣчи-на-Чертомлыкѣ». * Одни только могильные кресты, памятники и курганы, да вѣчно живое преданіе, свидѣтельствуютъ о ней, церковь-же, укрѣпленія и все прочее исчезло: такъ могущественна была разрушительная сила времени или воли человѣческой. Но и крестовъ уже очень мало, да и тѣ по немногу уничтожаются; исключая одного, они весьма не древни, ибо не доходятъ даже до эпохи Гордѣнки, 1709 года, всѣ почти одинаковой формы и величины, всѣ равно изсѣчены изъ бѣлаго твердаго камня, и сходны съ тѣми, которые мы видѣли и описали въ Грушевкѣ и Новой-Сѣчи. Вотъ надписи, уцѣлѣвшія на нѣкоторыхъ крестахъ, изломанныхъ или сохранившихся въ цѣлости:

* «Зъ Сѣчи на Чертомлыкѣ писали грамоты свои Кошевые: Сѣрко, Иваникъ и другіе въ XVII столѣтіи. Планъ ея, въ настоящемъ видѣ, также приложенъ будетъ ко второму изданію нашей Исторіи Новой Сѣчи.

1. На обломкѣ креста: «Року 1728 мѣсяца ноября дня 4. Помяни Господи душу усопшаго...»

2. На цѣломъ крестѣ—полуистертая надпись: «Здѣсь почиваетъ рабъ Божій Данилъ Конеловскій...»

3. На цѣломъ крестѣ: «Помяни Господи «душу усопшаго...здѣсь почиваетъ рабъ Божій Симеонъ... товарищъ куреня Васюринскаго; преставился року 1718...»

4. На цѣломъ крестѣ, гдѣ къ обыкновенному украшенію прибавлено изображеніе солнца и луны: «Помяни Господи раба своего Ерема Носѣвку, куреня Васюринскаго, а преставился року 1728 мѣсяца декабря 12 дня.»

5. На обломкѣ креста: «...преставился «рабъ Божій Лукьянъ, куреня Ведмедовскаго, «року 1729 мѣсяца сентября дня 17.»

6. На цѣломъ крестѣ, у подошвы котораго родъ саркофага, изъ бѣлаго камня, въ видѣ гроба (подобнаго саркофага мы не находили ни на одномъ могильномъ памятникѣ), отъ надписи, совершенно истертой, остался только ко-

нецъ, скрывавшійся въ землѣ, а именно: «отъ
«Р. Х. 1720, мѣсяца ноября 5.»

7. На цѣломъ крестѣ: «Здѣсь опочиваетъ
рабъ Божій..... Волошинъ, Атаманъ куреня
Тимошевскаго. Року 1728 генваря 28 дня.»

8. «Здѣсь почиваетъ рабъ Божій Данило
Бовсѣнко, куреня Сергѣевскаго; року 1729
мѣсяца марта 4 дня.»

Всѣ этѣ могилы находятся въ самомъ се-
леніи Капуловкѣ, или городищѣ Старой-Сѣчи;
но слѣдующія двѣ встрѣчаются гораздо выше
по Чертомлыку, на возвышенномъ мѣстѣ близъ
оврага:

9. На цѣломъ крестѣ: «Здѣ преставился
рабъ Божій Федоръ Товстоногъ, куреня Щер-
биновскаго казакъ; погребенъ року 1770 нояб-
ря 4 дня.» Слѣдственно, эта могила храбраго
Запорожскаго сановника, Войсковаго Эсаула,
отличавшагося въ войну съ Турками въ 1769
и 1770 годахъ, и вѣроятно умершаго отъ ранъ
въ своемъ зимовникѣ.

10. На цѣломъ крестѣ: «Здѣ опочиваетъ
рабъ Божій Семенъ Таранъ, казакъ куреня

Шуринскаго ; преставися року 1742 мѣсяца
Декабря 3 числа.»

Замѣтимъ однакожъ, что изъ десяти списанныхъ вами надмогильныхъ легендъ, ни одна не принадлежитъ здѣшнему Кошу, разоренному, какъ сказано выше, послѣ измѣны Гордѣенки, въ 1709 году. Слѣдственно, либо кресты эти принадлежатъ казакамъ, умершимъ въ Алешковской-Сѣчи, и были перенесены сюда послѣ возвращенія Запорожцевъ на родину, въ 1734 году, либо должно думать, что не всѣ Запорожцы бѣжали съ Гордѣенкомъ въ Турцію, и многіе дожили здѣсь свой вѣкъ. Двѣ послѣднія (9 и 10) принадлежатъ уже къ исторіи Последняго-Коша или Новой-Сѣчи, ибо разстояніе между обѣими Сѣчами едва составляетъ 8 верстъ. Должно полагать, что побѣдители 1709 года столь-же усердно разрушали Старую-Сѣчь, какъ солдаты Текелія въ 1775 году дѣйствовали при разореніи Новой.

Но за то отъ древней или Баторіевой (если можемъ такъ выразиться) Сѣчи, остался памятникъ самый любопытный и изъ всѣхъ описанныхъ нами древнѣйшій, ибо доходитъ до второй половины XVII столѣтія. Это могильный камень Сѣрка, знаменитаго предводителя За-

порожскаго, состоящій изъ двухъ каменныхъ плитъ, изъ которыхъ одна служить подножіемъ другой, вертикально на ней утвержденной. Иванъ Дмитріевичъ, по прозванію Сърко (или волкъ), былъ избираемъ Кошевымъ Атаманомъ Низоваго Войска въ 1659, 1660, 1663, 1668, 1673, 1674, 1675, 1676, 1677, 1678, 1679 и въ началъ 1680 года, въ которомъ и умеръ. О подвигахъ его упоминаютъ многія Царскія грамоты и подробно рассказываютъ историки Малоросіи. Онъ былъ грозою Крыма и даже Турціи, ибо не разъ Запорожцы, подъ его начальствомъ (по словамъ одного документа), «Измайлову и «грозному Аккерману крылья осмалили»^{*} — и вотъ предъ нами его гробовый памятникъ, слишкомъ скромный для его славы и вѣрной царской службы, но огромный въ сравненіи съ другими камнями; онъ едва-ли извѣстенъ кому изъ ученыхъ, и охраняется лишь благоговѣніемъ поселянъ и просвѣщеннымъ вниманіемъ къ старинѣ гг. управляющихъ деревнями Барона Штиглица. Памятникъ этотъ стоитъ на старомъ городищѣ, но не на островѣ, и вдали отъ другихъ могилъ, сзади избы поселеннаго Михайла Немины, ничѣмъ не огражденный;

^{*} Такъ сказано въ приведенномъ Г. Маркевичемъ письмѣ Сърка къ Хану Крымскому, но какому — неизвѣстно.

вблизи оттуда мельница; съ одной стороны, изображенъ на немъ отлично высѣченный патриаршій крестъ съ обыкновенными буквами, а съ другой, вверху, въ кружкѣ, опять крестъ и подъ нимъ слѣдующая, уже не много истертая надпись: «Р. Б. (року Божію) 1680 Мая «4, преставися рабъ Божій Іоаннъ Сѣрко «Дмитровичъ, Атаманъ Кошевой Войска За- «порожскаго, Его Царскаго пресвѣтлаго Вели- «чества Федора Алексѣевича. Памятникъ «отъ всего посполства.....» остальныхъ буквъ вовсе уже не видно.

Въ сравненіи съ другими, памятникъ этотъ, несмотря на свое уединенное на курганѣ положеніе, и на то, что не окруженъ ни оградой, ни рвомъ, сохранился отлично. Причиною тому не только національное, но даже суевѣрное благоговѣніе поселянъ, вѣрующихъ преданію: что кто будетъ охранять могилу Сѣрка, тотъ сдѣлается такимъ-же героемъ, какъ онъ. Быть можетъ также, что при разрушеніи этаго Коша, могила вѣрнаго Царямъ Кошеваго была пощажена, по особому повелѣнію.

Вотъ все, что осталось отъ двухъ, столь знаменитыхъ въ исторіи нашей урочищъ! Теперь обѣ Сѣчи имѣютъ видъ двухъ мир-

ныхъ селеній, очаровательно расположенныхъ вблизи Днѣпровскихъ острововъ, и богаты только однѣми преданіями. Между жителями ихъ нѣтъ ни одного потомка Запорожцевъ. Старики, видѣнные нами, были дѣти слугъ или подданства Сѣчеваго. Но, судя по оставшимся слѣдамъ, и въ цвѣтѣ своего могущества и славы, Сѣчи этѣ не имѣли вида грозныхъ твердынь, какими воображали ихъ себѣ историки, на основаніи того-что въ-теченіе трехъ или четырехъ столѣтій онѣ, съ своимъ казачествомъ, служили оплотомъ всему Славяно-Христіанскому міру.

О Сѣчи на Хортицкомъ-Островѣ, мѣстныхъ преданій (въ Екатеринославскомъ и Александровскомъ уѣздахъ) не имѣется. Только находящееся тамъ урочище Квчкасы, родъ бухты на Днѣпрѣ, среди скалъ, (гдѣ, какъ говорятъ, Гордѣенко скрылъ Мазепу и Карла XII, послѣ Полтавскаго пораженія), слыветъ подъ именемъ бывшей Запорожской «верфи»; такъ называютъ ее и географы XVII и XVIII столѣтій. Бопланъ, близко знавшій Запорожье, ни слова не говоритъ о пребываніи тамъ въ прежнее время Запорожцевъ.

Польскіе историки, приводимые знаменитымъ географомъ Свѣицкимъ (въ *Opis Staro-*

zytney Polski), говорятъ, что на Хортицѣ была «экономія военная», то-есть складъ военныхъ запасовъ, устроенная тамъ и укрѣпленная Князьями Вишневецкими, въ XVI столѣтіи, и что одинъ изъ нихъ, именно Димитрій, былъ даже Гетманомъ (быть-можетъ Кошевымъ) Запорожскимъ въ 1517 году. Родъ ихъ, по свидѣтельству историка Бѣльскаго, владѣлъ въ Новороссійскомъ-Краѣ и Малороссіи 170 городами и 740 селами, которые разорены были казаками во время войны за независимость отъ Польши Земли-Украинской. Хортица была имъ пожалована въ самомъ началѣ XVI столѣтія отъ Литовскихъ Князей, съ условіемъ обереженія здѣсь границы отъ Татаръ. Въ Кичкасѣ была даже Литовская крѣпость, вѣдѣнная Михаиломъ Литвиномъ въ половинѣ XVI столѣтія.

Нѣкоторые историки, въ числѣ ихъ Маркевичъ и Бантышъ-Каменскій, упоминаютъ еще о «Никитинской-Сѣчи», то-есть о Главномъ Станѣ или Кошѣ Запорожья въ «Никитиномъ» или нынѣшнемъ Никополѣ. Всѣ наши распросы и розыски о ней не принесли никакого успѣха; здѣсь никто не слыхалъ объ этой Сѣчи, хотя почти всякой поселеникъ знаетъ про Сѣчи въ Покровскѣ, Капуловкѣ и на Мѣловомъ-

Оврагъ, у рѣчки Каменки. Мы знаемъ достоверно только то, что было издревле укрѣпленіе на «Никитскомъ-Рогу», гдѣ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ Запорожцы имѣли свой важѣйшій пограничный городокъ «Никитино» и «Никитинъ-Перевозъ на Крымскую-Сторону». До-сихъ-поръ въ Никополѣ укажутъ вамъ мѣсто, которое какъ-бы мысомъ выходитъ на Днѣпръ, и откуда начинается переправа, и скажутъ, что это «Никитинъ-Рогъ». Почтенный Протоіерей, теперь уже умершій, Григорій Кремьянскій, говорилъ мнѣ не разъ, что въ дѣтствѣ своемъ видѣлъ онъ въ Никополѣ остатки куреней Запорожскихъ, перенесенные туда изъ Сѣчи въ 1770 году, и что это были продолговатыя зданія, срубленные изъ дубоваго лѣса, и столь обширныя, что здѣсь долгое время употребляли ихъ какъ амбары для провіанта. О «Никитинѣ» не упоминаютъ ни Михайло Литвинъ при описаніи Днѣпровскихъ замковъ, ни Бопланъ, ни даже Свѣяцскій. Вѣроятно, при первыхъ онъ не существовалъ, или имѣлъ другое названіе, а послѣдній не слышалъ о немъ. Здѣсь до-сихъ-поръ хорошая верфь для мелкихъ «дубовъ» и притонъ отличныхъ рыбаковъ.

Противъ Никополя, на Крымской-Сторонѣ, гдѣ теперь старообрядческое село Малая-Зна-

менка, на устьѣ Бѣлозерскаго-Лимана, существовало въ XVIII столѣтіи казачье поселеніе, называвшееся «Селомъ-Камяннымъ» или «Крымскою-Каменкою», а по Ногайски «Крменды-Базаръ». Здѣсь, хотя уже и на землѣ Ханской, равно какъ и по всей рѣчкѣ Бѣлозеркѣ, по Рогачику и другимъ, Запорожцы сидѣли зимовниками, для рыболовства, охоты и содержанія мостовъ и переправы во время солянаго промысла. Хотя кочевавшіе въ этѣхъ мѣстахъ Едичкульскіе Ногайцы и противились такому водворенію, но Ханы покровительствовали поселившимся, но расположенію къ нимъ, или боясь Запорожцъ. Если-бъ не указанія поселянцъ, мы-бы не знали о какой именно «Камянкѣ» говорятъ Запорожскіе документы, ибо между Херсономъ и Кременчугомъ есть 12 или 13 урочищъ съ этимъ именемъ*. Между-тѣмъ мы не разъ читали, что войсковые посланцы, отправленные «по секретамъ» въ Крымъ, доходили сперва до «Камяннаго», (то-есть переправлялись сперва въ Никополь на другую сторону Днѣпра), а послѣ, достигнувъ «Маймасуры», тутъ отдыхали.

* Вотъ названія нѣкоторыхъ: Чаплинскал-Каменка, Лопманская-Каменка, Красная-Каменка, Нигульскал-Каменка, Базавлуцкал-Каменка, Каменка близъ Мѣловаго-Оврага и проч.

Что-жъ это опять за «Маймасура»? — Мѣстныя розысканія открыли намъ, что это было селеніе казачье на Крымской-Сторонѣ, на устьѣ рѣчки Мамайки, впадающей въ Днѣпръ, ниже Бѣлозерки, которая по-Татарски называлась «Мамай-Су»; близъ этой рѣчки есть довольно большое береговое возвышеніе, называемое «Мамай-Дагъ», то-есть «Мамаева-Гора». Название «Мамай-Су» произошло, вѣроятно, отъ ауловъ Ногайскихъ мурзъ Мамайскаго рода (доселѣ въ Крыму существующаго), и было исковеркано казаками на свой ладъ. Между селомъ Малою-Знаменкою и Днѣпровскимъ берегомъ находятся слѣды какого-то укрѣпленія, передняя часть котораго лежитъ въ ложѣ рѣки и сложена изъ камня. Это, по вѣстмъ вѣроятіямъ, «Каменный-Затонъ», взятый Петромъ-Великимъ, и послѣ Прутскаго договора возвращенный Туркамъ. Название «затона» дано этому укрѣпленію отъ положенія его на рѣкѣ, гдѣ онъ образуетъ теперь родъ острова.

Третья Стѣча, хотя и временный Кошъ Запорожскій, находилась въ Херсонской губерніи и уѣздѣ, между станціями: Мѣловою (на балкѣ этого имени) и Бериславлемъ. Тамъ есть мелкая рѣчка Каменка, бѣгущая въ Днѣпръ, почти всегда пересыхающая лѣтомъ и имѣю-

шая воду только весною, отъ разливовъ самаго Днѣпра. По трактатамъ съ Турціею, заключеннымъ въ 1705 и 1740 годахъ, эта рѣчка составляла границу между двумя Имперіями, что показано и на картахъ Риччи-Занони и Дебоксета. Послѣ измѣны Мазепы и бѣгства Кошевого Гордѣнки съ Карломъ XII, Запорожцы, видя паденіе своей Сѣчи-на-Чертомлыкъ, ушли сюда, какъ въ мѣста нейтральныя, и въ 1710 году, на правомъ берегу рѣчки Каменки, построили себѣ новый Кошъ и въ немъ укрѣпились. Но здѣсь пробыли они одинъ только годъ, ибо, по повелѣнію Петра-Великаго, Гетманъ Малороссійскій Скоропадскій и Генералъ Бутурлинъ взяли эту Сѣчь штурмомъ и разорили ее до основанія. Городище это оставалось впустъ до 1740 года; тогда Запорожцы, возвратясь въ отечество и устраивая по-прежнему свою «Палестину», учредили тутъ свой пограничный постъ и торговый рынокъ подъ названіемъ «Камяннаго-Базара»; здѣсь имѣлъ пребываніе Полковникъ съ своею старшиною и командою Запорожскихъ казаковъ, и производилась значительная мѣна съ Крымскими и Ногайскими Татарами. Запорожцы называли это мѣсто «Каменка, гдѣ Старая-Сѣчь была», то-есть Сѣчь 1710-1711 годовъ, а не Чертомлыцкая. Въ 1760 году, по просьбѣ тамошней

«громады», что «негдѣ спастись», Запорожцы устроили въ этой Каменкѣ церковь, сперва походную (взятую изъ Сѣчп), а потомъ и постоянную, остатки которой существуютъ доселѣ, хотя и въ другомъ мѣстѣ. Городище Каменки хотя опять пустое, замѣтно до-сихъ-поръ, и по мѣстности своей ясно свидѣтельствуетъ о пребываніи здѣсь Запорожцевъ, избиравшихъ для своихъ Кошей мѣста очаровательныя и сходныя между собою. Ъдучи изъ Бериславля въ Никополь, и не доѣзжая 8 верстъ до станціи Мѣловой, должно-поворотить на право въ степь, и держать путь на два кургана, видимые съ большой дороги; слѣдуя по этому направленію, добираешься до впаденія оврага или рѣчки Каменки въ одинъ изъ рукавовъ Днѣпра, тоже называемый рѣчкою Подпольною, или Козацкою; здѣсь, на границѣ двухъ помѣщичьихъ межей: Эсаулова и Вертилька, представляется глазамъ возвышенный мысъ, въ самомъ великолѣпномъ мѣстоположеніи; а надъ мысомъ гора, на которой стоятъ упомянутые выше курганы. Слѣды вала, ямы, курганы, обломки и два могильные креста, впрочемъ не древнѣе видѣнныхъ нами въ другихъ мѣстахъ, свидѣтельствуютъ о пребываніи здѣсь и Сѣчи и «Камяннаго-Базара.» Кресты эти, описанные

уже Г. Вертильякомъ *, совершенно той-же величины я наружности, какъ и описанные нами выше, и имѣютъ слѣдующія легенды.

На одномъ :

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Здѣсь опочиваетъ рабъ Божій

Константинъ Гордѣевичъ, Атаманъ

Кошевой славнаго Войска

Запорожскаго Низоваго,

А куреня Платнеровскаго.

Преставился року 1750 грудня (декабря)

4 дня».

На другомъ:

«Во имя Пресвятыя

и Животвор (или Нераздѣ) лия Троицы. Аминь.

Здѣ опочиваетъ рабъ Божій

Василь Ерофеевичъ, Атаманъ Кошевой

Славнаго Войска

Запорожскаго Низоваго, а куреня

Тыторовскаго. Преставился

Въ року 1751 въ мѣсяцъ майъ дня 23.»

По поводу крестовъ этихъ является вопросъ: какъ зашли сюда кости, или хотя мо-

* Въ «Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей», стр. 760.

гильные кресты упоминаемыхъ на нихъ двухъ Кошевыхъ, когда съ 1741 по 1754, или даже 1740 годъ, мѣсто это было необитаемо, а Запорожцы подъ Крымскимъ игомъ томпились въ Алешкахъ? Быть-можетъ оба они умерли и погребены въ этомъ послѣднемъ Кошѣ, а, по перенесеніи Стѣны на Подпольную, кресты, силтые съ ихъ могилъ, поставлены были здѣсь; или быть-можетъ, что послѣдняя воля ихъ была та, чтобы прахъ ихъ почилъ на родинѣ, что весьма сообразно съ жаркою любовію къ отечеству вообще всякаго Русскаго, въ-особенности-же сына Южной Руси.

По дорогѣ изъ Берислава въ Херсонъ, вниманіе наше обращено было еще на одно Запорожское городище — ихъ военный пограничный постъ, называвшійся «Ингульскою», или «Перевѣзскою — Поланкою.» Полковники этой поланки, хотя назывались Ингульскими, но имѣли пребываніе въ урочищѣ «Перевѣзкѣ», отъ котораго часто въ бумагахъ именовались «Перевѣзскими». Какъ видно изъ инструкцій, они должны были наблюдать за Очаковскою границею и покровительствовать своимъ рыболовамъ, ходившимъ на промыслъ въ Турецкіе предѣлы, отъ Александръ-Шанца (нынѣ Херсона) до Очакова. Этотъ постъ, подобно

Каменкѣ, подобно Прогноинскому и находящемуся въ Гарду, былъ за Русскою границею, но Турки, или не хотѣли, или не могли его тревожить въ столь отдаленныхъ и пустыхъ мѣстахъ. Долго искали мы этого урочища, и для того рѣшились обозрѣть подробно всѣ мѣста, начавъ отъ станціи Даріевки или Ингульской, находящейся въ имѣніи Комстадіуса, на нижней части Ингульца, и слѣдуя по теченію этой рѣчки до самаго ея устья. Отсюда, по Днѣпру до Херсона, верстѣ на 12, многія урочища носятъ названія, напоминающія о пребываніи въ этѣхъ мѣстахъ казачества, таковы рѣчки: Чайка, Кошевая, Козацкая, Подпольная, село Койдачка и другія. Здѣсь рыбаки указали мнѣ на селеніе Никольское, принадлежащее нынѣ помѣщику Августу Комстадіусу, и существующее съ 1790 года. Оно расположено на правомъ берегу Днѣпра, и прекраснымъ мысомъ доходитъ до самаго форвастера этой рѣчки, у котораго находится и устье рѣчки Ингульца. Мѣсто это, съ рыбными заводами, «съ давнихъ временъ» тутъ учрежденными, называется и теперь «Перевѣзкою», по причинѣ бывшаго здѣсь перевоза на «Крымскую-Сторону» въ Алешки, а по наружному виду сходно со всѣми описанными выше Запорожскими городищами. Хотя нами не отыскано

здѣсь никакого Запорожскаго памятника, но на основаніи преданій и сближенія мѣстностей, мы увѣрены, что эта «Перевѣзка» есть одна и та-же съ Запорожскою поланкою сего имени.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о другомъ довольно замѣчательномъ историческомъ урочищѣ Новороссійскаго-Края, именно о «Запорожскомъ Гардѣ». Слово «гардъ», не знаемъ почему, въ Запорожьѣ и нѣкоторыхъ мѣстахъ Украины значило «рыбный заводъ» или «притонъ рыболововъ». Достоверно извѣстно только то, что на Бугѣ было и есть рыболовное урочище, называемое «Гардъ», которое принадлежало въ теченіе трехъ столѣтій Запорожцамъ, содержавшимъ тамъ одинъ изъ главнѣйшихъ своихъ военныхъ форпостовъ, называвшійся «Буго-Гардовою Поланкою». Трудно опредѣлить съ точностію его мѣстность, ибо, какъ видно изъ одной инструкціи 1755 года, мѣстопребываніе поланки по обстоятельствамъ измѣнялось; но при этомъ, всегда держались той части Буга, которая находится между Мигейскимъ-Островомъ (на устьѣ рѣчки Мигейскаго-Ташлыка) и дачами волости Новороссійскаго военного поселенія Константиновки (Херсонской Губерній Бобринецкаго уѣзда). Повѣривъ на мѣстѣ показаніе историковъ и

«исчисленіе» зимовниковъ, по Запорожскимъ документамъ, съ указаніемъ картъ XVIII столѣтія, мы убѣдились, что Буго-Гардовская Поланка находилась на устьѣ оврага, тоже Ташлыкомъ именуемаго (по причинѣ огромныхъ скалъ, по-Татарски «ташъ»), въ двухъ верстахъ отъ упомянутой волости, между плавнями и скалами, украшающими здѣсь берега Буга и загораживающими его ложе. На это имѣемъ еще два другія доказательства. Къ селу Богдановкѣ, основанному Князьями Полиньякъ, въ 1790 году, на пожалованной имъ землѣ, и лежащему здѣсь съ другой стороны Буга, принадлежитъ рыболовный заводъ, за который помѣщики Акацатовы имѣли долгой процессъ съ Епархіальнымъ Начальствомъ,—заводъ, именующійся доселѣ «Гардомъ», тогда-какъ многочисленныя здѣсь другія рыбныя ловли не имѣютъ этого названія. На вопросъ нашъ у рыбаковъ, занимающихся преимущественно ловомъ «вырезуба» (какъ и въ Запорожское время), отъ чего произошло это названіе? — получили мы въ отвѣтъ: «такъ давно ёго зовутъ, а мабуть и Запорожци тутъ жили и рыбу соби ловили.» Другое доказательство чисто географическое. На здѣшній перевозъ, съ незапамятныхъ временъ, направлена была извѣстная «Кучманская Дорога», по которой шли

всѣ обозы съ товарами въ Очаковъ, или за солью въ Крымъ, а извѣстно, что эта переправа шѣла мѣсто въ Гарду-на-Бугѣ. Устроенная еще Витовтомъ, Великимъ Княземъ Литовскимъ, въ XV столѣтіи, она во времена Запорожья составляла одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ доходовъ Коша. Для наблюденія за границею и сбора этого дохода, стояла здѣсь все лѣто поланка Запорожская, которая на зиму сходила на устье рѣки Мертвыя-Воды, въ село Соколы (нынѣ Вознесенская переправа на Бугѣ), гдѣ было укрѣпленіе, называвшееся Сокольскимъ-Редутомъ.

Вотъ нѣкоторыя изъ Запорожскихъ городищъ, памятныхъ въ исторіи; о Кодакахъ, Нефорощи, Самарчикѣ и другихъ мѣстахъ, поговоримъ въ другой разъ; а объ Алешкахъ мы сказать нечего: тамъ и слѣдовъ Запорожскихъ не осталось; да и слава Богу! Кошъ Алешковскій, или Крымскаго Владычества, былъ для Низовой общины горькимъ памятникомъ казни въ ролюство ея по призыву Мазепы и Гордѣнки, недостойныхъ предводителей Украйны. Въ одной, найденный нами пѣснѣ, сильно отзывается чувство раскаянія по этому случаю:

«Ой Олешки, будемъ васъ знаты,
И тый лыхій день, и тую лыхую годину
Охъ, будемъ васъ довго памятаты!

Но народная это пѣснь или сочиненіе ка-
кого-нибудь юнаго Задпѣпровскаго барда — рѣ-
шить не можемъ.
